

В статье поставлена проблема соотношения символического и реального статусов шахтерской профессии применительно к возможным стратегиям конструирования имиджа Кузбасса.

The article deals with the problem of relations between symbolic and real status of mining profession pertaining to alternative strategies of the creation of the Kuzbass image.

Ключевые слова: регион, место, территориальная идентичность, Кузбасс, бренд, имидж.

В отечественной литературе стало общим местом связывать возможность выхода России к устойчивому развитию с решением преимущественно экономических вопросов. Доминирующий дискурс в постановке и обсуждении проблем развития – экономический; многоаспектная проблемная ситуация в таком ракурсе «экономизируется», отсекаются ее важные компоненты «неэкономической природы». В «монопрофильных» и к тому же «депрессивных» регионах, к каким относят и Кузбасс («самый угольный регион России» [1]), необходимость поиска новых парадигм изучения современной ситуации особенно актуальна.

В последние два десятилетия на фоне регионализации отечественной экономики, в процессе приватизации и реструктуризации угольной промышленности все большее значение приобретает проблема обеспечения безопасности на угольных шахтах. Практикуемые модели управления при этом все еще транслируют советские принципы администрирования. Как управление конкретными сферами экономики замыкается на этих сферах, взятых как нечто изолированное от общего социокультурного контекста, так и менеджмент горных предприятий зачищен на внутривы производственных нюансах. Разработка комплексной, основанной на антропологии профессии, концепции безопасности на угольных шахтах требует экспонирования данной проблематики в широком социокультурном контексте. Таковым является постперестроечный этап истории страны и обусловленная им транзитивность как фундаментальная характеристика современного российского общества. Имеются основания для проблематизации «неэкономических» влияний транзитивности на современный «портрет» шахтерской профессии и на имидж Кузбасса как шахтерской территории.

Кузбасс – один из ведущих промышленных регионов Сибири и России, «опорная база для промышленного развития не только Сибири, но и всей страны» [2]. В административно-территориальном отношении он именуется *Кемеровской областью* (до революции – *Кузнецкий уезд*, позже – с 1925 г. – *Кузнецкий округ*). Тот факт, что в публицистике и в обыденной речи наш край чаще фигурирует как *Кузбасс*, является значимым: нормативные культурно-символические контуры региона наиболее полно отражены именно в этом топониме. Справедливости ради следует заметить, что выделение Кузбасса в качестве территориальной целостности не являлось полностью искусственным мероприятием, а было произведено в соответствии с границами историко-культурного района. Последний определяется таким

критерием, как *возраст территории*, который «следует отсчитывать от начала упоминания о ней в качестве формальной или неформальной единицы» [3]. В случае с Кузбассом это – *Кузнецкая земля*. Административные границы Кемеровской области в целом тяготеют к границам данного историко-культурного района. Исходное значение слова *Кузбасс* позиционирует наш край в качестве геолого-промышленной зоны: Кузбасс – «крупнейший из изученных каменноугольных бассейнов Советского Союза», который содержит «более 70 % всех выявленных запасов ископаемых углей Союза, чем определяется его всесоюзное значение» [4]. Это оценка региона в начальный период сталинской индустриализации края. На начало XXI в. картина не меняется: «На территории Кузбасса сосредоточено 67 % запасов углей России... Регион добывает 57% российского угля... Базовый сектор экономики – угледобывающая промышленность» [5]; ср. также: «Балансовые запасы угля... составляют 4,5 % от балансовых запасов России. Это позволяет рассматривать Кузнецкий угольный бассейн как основную существующую и наиболее перспективную сырьевую базу для энергетики и металлургии России» [6].

Экстраполяция специализированных геолого-промышленных номинаций на «негеологический» материал, их перевод в статус *имени региона* – практика в генезисе советская (ср: *Донбасс*, реже – *Мосбасс*, *Криворожбасс*). С середины 1920-х гг. (со времени формулирования так называемой «урало-кузнецкой проблемы») образ Кузнецкого края имеет отчетливые индустриальные черты. Это регион угольный (прежде всего) и металлургический (во вторую очередь). Таким образом, шахтерская профессия для Кузбасса – нечто большее, чем просто профессия. Это характеристика, фундирующая культурно-исторический образ региона. Профессия шахтера для Кузбасса является важнейшим регионообразующим фактором. Последнее мы утверждаем не столько в экономико-демографическом смысле (ибо даже в советское время, в период бурной индустриализации края, горняцкие профессии не были статистически преобладающими в структуре занятости населения, см. современные данные в материалах статистических сборников «Занятость и безработица в Кузбассе» [7]), сколько в отношении базисности данного компонента в структуре региональной «кузбасской» идентичности.

Имеется в виду прежде всего *идентичность-для-других* (образ кузбассовцев, адресованный вовне, жителям других регионов и усвоенный последними). Этот уровень идентичности насыщен идеологи-

ческими клише, генезис которых восходит к эпохе расцвета профессии в 1960 – 1980-е гг.; он нормативен и официально апробирован. Кроме того, следует отметить определенную принудительность этого образа для кузбассовцев-нешахтеров, особенно в ситуации их социальных взаимодействий с жителями других регионов. Эта ситуация демонстрирует действие механизма социального приписывания региональной идентичности, причем в данном случае были актуализированы, видимо, наиболее существенные ее компоненты. Шахтеры оказывались той референтной группой, по отношению к которой прочие социальные акторы в Кузбассе эпохи СССР должны были определять собственную социокультурную позицию. Следует отметить, что действие механизма аффилиации (самоприписывания к определенной группе) характеризуется неосознанностью со стороны субъекта. Культурно-символические коннотации шахтерского труда были и остаются фундаментом спецификации Кемеровской области, земли Кузнецкой в качестве *индустриального Кузбасса*.

Рассмотрим некоторые инструменты конструирования символического господства шахтерской профессии в социальном пространстве Кузбасса, которые фактически выступают репрезентантами территориальной «кузбасской» идентичности.

1. Топонимическая традиция. Именование географических локусов означает их символическое присвоение. Общеупотребительной в нашем регионе речевой практикой является взаимозамена его административно-территориального официального названия – «Кемеровская область» – и полуофициального имени «Кузбасс». Помимо этого, «шахтерский след» очевиден в локальной топонимии кузбасских городов. Так, в Новокузнецке имеются улицы День Шахтера, Маркшейдерская, переулок Шахтостроительный (в Абашево), Антрацитная, Стахановская, Рудничная и пр. Шахтеров (в Байдаевке, которая вместе с Абашево составляет Орджоникидзевский район); улицы Горноспасательная, Угольная и Горняцкая, Шахтовый переулок (Куйбышевский район), ул. Шахтостроевская (пос. Притомский). Хотя центральные новокузнецкие улицы, знаменитым трехлучием расходящиеся от вокзала, именуются все же «металлургическими» концептами и фамилиями – пр. Курако, Бардина и ул. Metallургов, да и само название города «сопротивляется» элиминации сакрально-демиургических «кузнечных» коннотаций в пользу «горнорудных».

2. «Паспортизация» региона. Так называемый «паспорт» (города, региона) – изобретение эпохи интенсивной регионализации. Тем не менее паспорт региона выполняет более важные функции, нежели просто «модный аксессуар» постсоветского отечественного менеджмента. Рассматриваемый в историческом измерении, этот документ является своего рода «гороскопом» региона на ближайшее будущее (например, в пределах 15–20 лет), ибо его основные положения кладутся в основу стратегического планирования развития Кузбасса: «Следует ожидать, что данная (промышленная. – И. Р.) специализация сохранится на длительную перспективу» [8]. Однако

наполнение понятия «паспорт региона» решается в полном соответствии с традициями советской хозяйственно-экономической калькуляции. «Суть» Кузбасса эксплицируется посредством перечисления цифр, показателей, процентов и т.п., исчисляющих материальное производство области. *Паспорт Кузбасса* размещен на официальном сайте администрации Кемеровской области [9]. Описание специфики региона начинается в нем с раздела «Топливно-энергетический комплекс в 2008 году» [6]. Первая фраза в отчете: «Основу топливно-энергетического комплекса составляют угольная промышленность и электроэнергетика... На долю угольной промышленности приходится 37,5 % от общего объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг промышленности Кузбасса». Сегодняшний уровень угледобычи, конечно, не может сравниться с аналогичными показателями 20 – 30-летней давности, но тем не менее официальная характеристика региона по-прежнему начинается с калькуляции этих показателей, измеряемых в миллионах тонн. В списке крупнейших предприятий Кемеровской области под номерами 2 – 12 фигурируют угледобывающие (ср.: металлургические занимают 18 – 21 места. Это характеризует область в целом, но имеются и локальные различия: для Новокузнецка, «южной столицы Кузбасса», свойственны иные акценты: это город, в первую очередь, металлургов и лишь потом – шахтеров [10]).

«Лицо» региона портретируется в соответствии с советской логикой иерархизирования социальной реальности: от наиболее приоритетной тяжелой промышленности к легкой и далее – к «остаточным» сферам общественного организма (культура, наука, образование, здравоохранение).

3. Геральдическая спецификация Кузбасса. Законом Кемеровской области от 7 июня 2000 г. № 42-ОЗ установлены герб, флаг и гимн региона. Смыслообразующими символами герба являются изображенные на нем атрибуты горной промышленности: «В центре щита – треугольник черного цвета, усеченный с боков и окаймленный узкой полосой золотого цвета, – террикон, символизирующий угольную промышленность. В центре террикона расположены перекрещенные кузнечный молот и кирка, обозначающие индустриальную принадлежность Кемеровской области... Треугольники красного цвета в левом и правом углах щита символизируют раскаленный металл» [11].

Характерно, что металлургические символы в гербе представлены наравне с шахтерскими, в то время как гимн Кемеровской области демонстрирует иную расстановку акцентов. Трехкуплетный текст последовательно повествует сначала о шахте и горняках, затем о металле и кузнеце и, наконец, о природе края. Квинтэссенцией сути региона является «рабочая мелодия Кузбасса», о которой говорится, что «ее добыли в шахте горняки» (т. е. демиургические функции делегированы именно шахтерам), затем уточняется, что «мелодию надежно закалили натруженные руки кузнеца», и в итоге сообщается, что звуки природы – «таежный шум и птичьи голоса» – «различимы» лишь как звучащие «в тон музы-

ке могучей». Трижды повторяемый припев недвусмысленно определяет Кузнецкую землю как край копей и шахт: «Земля открыла людям свой талант, и свой талант земле открыли люди». «Талант земли» – аллюзия античной притчи о господине, который дал двоим рабам по таланту; в контексте образа Сибири это еще и намек на сибирское «золотое дно», полные сокровищ недра, оставлять в неприкосновенности которые глупо и преступно (именно так оценивала советская пропаганда дореволюционный «царистский» этап промышленного освоения края).

4. Историческая, символическая и художественная идентификация региона. Кратчайшая историческая справка о Кемеровской области на официальном сайте администрации области жестко увязывает основные вехи ее истории с освоением недр, причем акцент делается на угледобыче. Общеизвестна устойчивая метафора Сибири как «золотого дна»: она повлияла на локализацию Кузбасса – богатейшего сибирского края – в символической пространственной структуре страны в целом. Место Кузнецкой земли в ней – «внизу», как и полагается базису (иерархия регионов России имеет не только горизонтальное измерение, актуальное в аспекте вычисления расстояния от Москвы, но и вертикальное). Семантика подземелья, подполья, низа, изнаночного нижнего мира, клада, закровов, «неживого», промежуточного (или крайнего, что значит маргинального) пространства представлена в известных сюжетах, воспроизводимых в субкультурной профессиональной мифологии. Пространство шахты в ней описывается как лабиринт, близкий к аду, могиле и т. п.; могут подчеркиваться вынужденность положения тела шахтера, цветосветовая символика профессии, ее ярко выраженная маскулинность, атрибутивные (хтонические) животные – кроты, крысы и др.; сама добыча предстает как мифологическая битва и похищение богатств у подземных владык, требующих кровавой платы за проникновение в свои пределы... Героизм и жертвенность – компоненты профессиональной шахтерской мифологии. До конца 1980-х гг., т. е. до заката соцреалистического канона в его различных изводах, нормативными для местного художественного творчества были сюжеты шахтерской и металлургической тематики, что отражено в содержательном наполнении фондов региональных музеев и библиотек.

5. Региональный хронотоп (структурирование пространства и времени). Семиотическая «работа» с пространством является эффективным инструментом институционализации культурно-символического образа территории. В недавнем прошлом в практике социалистического строительства эту работу выполняла наглядная агитация – наследница так называемого «ленинского плана монументальной пропаганды», оформленного декретом Советской власти уже через полгода после октябрьского переворота. Именно декорирование улиц и иных публичных пространств является наиболее мобильным и доходчивым способом конструирования новых локальных смыслов.

В кузбасских городах практикуются:

1) сакрализация и центрирование пространства («шахтерские» памятники, монументы, ключевые лозунги в ландшафте являются способом «локализации» идеологии; сегодня возводятся часовни, храмы, устанавливаются мемориальные доски и т. п.). Монумент «Слава шахтерам!» до сего дня символизирует въезд на исконно шахтерскую территорию – в Байдаевку (Орджоникидзевский район г. Новокузнецка). В Кемерово на Красной горке возведен памятник шахтеру – «Горящее сердце», памятник св. Варваре, покровительнице шахтеров; памятник шахтовой лошади;

2) районирование как инструмент символического присвоения территорий: выделение внутригородских районов по принципу компактного расселения шахтеров;

3) упорядочение и символическая приватизация времени путем формирования локального календаря. Профессиональный праздник День шахтера, учрежденный в СССР по инициативе Министерства угольной промышленности в 1947 г., фактически имеет статус главного областного (наряду с Днем металлурга) и отмечается соответственно. Для ряда городов День шахтера является главным праздником и отмечается концертами под открытым небом и народными гуляниями (Воркута, Караганда, Донецк, Кемерово, Прокопьевск, Новокузнецк и др.). В Кемеровской области с 2001-го года выбирается «столица» празднования Дня шахтера.

6. «Музеефикация» профессии. Строительство «образцово-показательных» шахт и проведение регулярных экскурсий на них (посещение шахты «Распадской» в 1980-е гг. было обязательным пунктом программы в визитах официальных делегаций и в ряде туристических маршрутов на юг Кузбасса). В последние годы на кузбасских улицах стали появляться баннеры социальной тематики, посвященные шахтерскому труду, – современный аналог наглядной агитации эпохи СССР. Юбилейные и презентационные фотоальбомы о Кемеровской области также тяготеют к визуальному и дискурсивному позиционированию региона как шахтерского края, что является отголоском советского статуса профессии.

...Итак, шахтерская профессия для Кузбасса является регионообразующей. Нормативный культурно-символический портрет региона специфицирует его как угольный и металлургический край, в связи с чем шахтерский труд следует рассматривать в качестве базиса региональной идентичности. В спектре вариантов самопричисления (этническая, гендерная, возрастная, профессиональная, конфессиональная, сословная и др. идентичности) *территориальная* является одной из важнейших. Иерархически ее структура представлена национальной (государственной), региональной и локальной идентичностями. В стабильном обществе с устойчивой национальной идентичностью региональная не выходит на первый план [12], существуя как бы в «свернутом», деполитизированном регистре. Перестроечные процессы привели к девальвации государственной (*советской*) идентичности. «В условиях ослабления или кризиса национальной идентичности региональная может составить ей конкуренцию и, полу-

чив политический оттенок, поставить под угрозу единство страны» [13]. В этом случае территориальная идентичность выступает в качестве ресурса, позволяющего компенсировать «гипофункцию» общегосударственных моделей солидаризации.

Шахтерский Кузбасс в этой связи является символом местного патриотизма. Необходимо заметить, что региональная идентичность жителей Кузбасса – тема неизученная. Уже предварительные подходы к ней дают почувствовать, что вопрос о связи кузбассовцев с *Местом* не является простым. Так, у жителей региона отсутствует *самоназвание* (существенный индикатор сформированности региональной идентичности). Тем не менее на данный момент профессия шахтера по-прежнему остается фундаментом образа Кузбасса, основой легитимной «метафизики региона». И не подлежит сомнению, что этот компонент региональной идентичности сегодня актуализирован. Данная символическая выделенность шахтерского труда может обернуться серьезной проблемой для жизни Кузбасса. Фактический регионообразующий статус профессии означает, что существует определенная корреляция между характером (содержанием, статусом) шахтерской идентичности-для-себя и региональной «кузбассовской» идентичности. Другими словами, деформация идентичности шахтеров в сторону гипо- или негативной ее формы является, во-первых, *индикатором неблагополучия* для области в целом, и, во-вторых, *опасным дестабилизирующим фактором*, угрожающим устойчивому развитию региона.

Именно так характеризуется текущий момент. Налицо существенный разрыв между, с одной стороны, официальным позиционированием профессии в статусе престижной, самой главной в Кузбассе, и с другой стороны, реальным социальным статусом шахтеров. Сегодня шахтерская идентичность-для-других и идентичность-для-себя разделены смысловой пропастью. Если ситуация останется прежней, нельзя исключать социальные конфликты в масштабе регионального забастовочного движения 1990-х гг.

Элитный статус шахтерского труда в СССР. Регионообразующий характер шахтерской профессии – одна из причин ее элитизации в советской картине мира. Образ горняка героизировался путем придания ему мироустроительных, по сути, демиургических черт. Известные советские фильмы «Шахтеры», «Большая жизнь», «Донецкие шахтеры» дают богатый материал для изучения моделей шахтерской (и вообще рабочей) идентичности как они репрезентировались советской идеологией, в том числе периода стахановского движения. Индустриальная романтика являлась конститутивным признаком советской модели мира, и романтизации подлежала прежде всего тяжелая и опасная работа на различных промышленных объектах. Почетность, престижность горняцкой профессии идеологически поддерживалась категориями «шахтерская слава», «трудовая доблесть горняков», «шахтерский/трудовой подвиг». Сопутствующими материальными атрибутами являлись высокая зарплата, льготы, товарные талоны и специальные распределители промышленных товаров, почетные звания, награды (в том числе ор-

дена «Шахтерская слава», что сближало труд в забое с воинским подвигом), наконец, высокие пенсии. О финансовых возможностях шахтеров эпохи расцвета профессии (1960–1980-х гг.) ходили легенды среди нешахтерского населения кузбасских городов.

Шахтеры были элитой рабочего класса. *Шахтерский талант* как некое наследственное качество приобрел в советскую эпоху «генеалогическое» измерение: популярным идеологическим штампом в СССР было понятие *шахтерская династия* (разновидность *рабочей династии*). Предельным актом институционализации профессии в региональной системе ценностей было сооружение прижизненного памятника Герою социалистического труда Е. И. Дроздецкому в Новокузнецке. Среди представителей прочих советских профессий только шахтеры, пожалуй, обладали групповой идентичностью, степень сформированности которой приближала ее к *классовому сознанию*. Элитизм профессии был не последней причиной социально-политической активности шахтеров в конце 1980 – начале 1990-х гг.: шахтеры были реальной силой, за возможность управления которой боролись политические группировки.

Маргинальный статус шахтеров в постсоветской России. В дореволюционной России шахтер был представителем нестатусной и вовсе не престижной профессии (которая вообще имеет сравнительно короткую историю: в словаре В. И. Даля слово *шахтер* отсутствует, имеется только очень краткая статья о слове *шахта*). Аналогичным образом в западных индустриальных странах шахтер – это «традиционный пролетарский рабочий» наряду с докером, фабричным и т. д., рекрутированный из социальных низов (см. роман Э. Золя «Жерминаль», 1885). Это проливает свет на причины происшедшего в 1990 – 2000-х годах обвала престижа шахтерской работы. Идеологическое советское инверсирование ценности тяжелого физического труда в сравнении с любым «легким», особенно интеллектуальным, ушло в прошлое вместе со страной, создавшей эту систему ценностей. Капиталистическая матрица, лежащая в основе «переходного» российского общества, гипостазирует новую иерархию профессий и выдвигает новых героев – удачливых предпринимателей, гламурных топ-менеджеров и т. д. В процессе системной трансформации советского общества были свои «выигравшие» и «проигравшие». В категорию последних попали некогда престижные профессиональные группы, в том числе шахтеры. Это драматическое социальное деление, усиленное дифференциацией уровня доходов, видимо, следует воспринимать как долгосрочное. После падения советского режима кузбасские шахтеры еще некоторое время продолжали транслировать протестное социальное поведение. Однако эта инерция иссякла уже к концу 1990-х. В отсутствие советской идеологической пропаганды, поддерживавшей престижный статус шахтерского труда, а также в связи с разрушением механизмов элитизации, горняцкие профессии перешли в разряд социально стигматизированных почти в той же степени, что и профессии так называемых *бюджетников*. «Жизнь шахтера-

стахановца тикает в бриллиантовых часах «Картъе» или плещется в бутылке «Дон Периньон», распиваемой на Рублевском шоссе» [14], – так общество потребления цинично определяет современный статус профессии.

Одним из инструментов маргинализации шахтерского сообщества, снижения его статуса и «обезвреживания» протестного потенциала стали участвовавшие в 2000-е гг. сообщения региональных и центральных СМИ о наркотизации шахтеров. Наркомания для современной России – действительно реальная и чудовищная проблема. Но в какой степени наркотизированы кузбасские шахтеры, сказать трудно, даже ориентируясь на официальные сведения. Так, неопределенность следующей информации: «Медики выявили порядка 110–120 человек в состоянии наркотического опьянения (подчеркнуто нами. – И. Р.)» [15] вызывает недоверие. Объяснение причин аварий посредством ссылок на найденную в забое после взрыва ложку входит в неразрешимый конфликт с утверждениями владельцев угольных предприятий о том, что безопасность в их компании – приоритетное направление деятельности (ибо безопасность предполагает систематические *превентивные* меры). Для сравнения: после страшной аварии 2007 г. на шахте «Ульяновская» в народе до сих пор устойчив слух о том, что трагедия произошла вследствие конфликта коммерческих интересов «наверху» и передела собственности, а не из-за официально названных причин. Наркомания шахтеров в этом свете выглядит как еще одна бюрократическая мотивировка, маскирующая реальные проблемы отрасли примерно так: «Сами виноваты». Именно поэтому подчеркивается затратность наркологического тестирования шахтеров – почему-то для бюджета, тогда как угледобывающая отрасль Кузбасса полностью приватизирована: «Массовое обследование кузбасских шахтеров обошлось бюджету в 700 тысяч рублей» [16].

Возможно, что распространение в шахтерской среде наркотической девиации является «социальным ответом» фрустрированной профессиональной группы на «вызовы» времени, в том числе на акционирование угольной отрасли. Насколько нам известно, эта тема научно не изучена в силу ее политической табуированности. Однако уже предварительный анализ сообщений СМИ не позволяет исключать возможность того, что дискурс о «шахтерах-наркоманах» является эффективным медиасценарием по конструированию новой социальной диспозиции шахтеров. «Дисквалификация» шахтеров в глазах местного общества и в собственных глазах заведомо нейтрализует протестные интенции данной профессиональной группы.

Сценарии развития ситуации разрыва между шахтерской идентичностью-для-себя и идентичностью-для-других. Сегодня можно говорить о социокультурной «декомпенсации» шахтеров и о переходе их в категорию доминируемых «культурных меньшинств» в координатах постсоветской аксиологии профессий. Шахтерские зарплаты сегодня снизились до сумм, несовместимых с уровнем профессионального риска. Из самой обеспеченной рабочей

группы шахтеры превратились в экономически дискриминируемую. Положение горняков сегодня напоминает рисованные советской пропагандой картины из жизни дореволюционных шахтеров (либо пролетариев-заложников «империалистических» экономик XIX в.). Это положение исчерпывается двумя понятиями: эксплуатация и бедность. Профессия дезлитерирована. Кузбасские шахтеры 2000-х годов – это «политические изоляты», люди, оказавшиеся «неожиданно обезоруженными, вне битвы, но с менталитетом бывших борцов, демобилизованных против воли» (П. Лунгин). Фактически их положение представляет собой иллюстрацию классического марксистского конструкта *отчуждение*: они отчуждены от собственной профессии. Советская форма отчуждения – потогонная система за план, сегодня – за деньги, причем не свои. Но, с другой стороны – угольная отрасль по-прежнему является базовой в структуре региональной экономической системы, и она останется таковой. По мнению составителей «Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области» на период до 2025 г., сегодня «в регионе сложились благоприятные условия для реализации амбициозных инвестиционных программ», причем под номером первым в списке инвестиционно привлекательных отраслей следует угольная. И главное: шахтерский труд по-прежнему остается символом Кузбасса и основанием региональной идентичности, той культурно-символической матрицей, с которой нормативно должен соотносить себя каждый живущий в Кузбассе.

Столь радикальное расхождение между «реальным» и «идеальным» провоцирует когнитивный диссонанс и вводит кузбасских шахтеров в состояние депривации, которое не способствует безопасности в лаге. Более того, в контексте регионообразующей функции шахтерской идентичности неблагополучие в данной профессиональной среде может сопровождаться деформациями в самоощущении всех жителей региона. То есть проблема безопасности в угледобывающей отрасли, рассматриваемая изолированно от социокультурного измерения профессии и решаемая на уровне отдельно взятой шахты, может иметь серьезные последствия. Аналогичные трансформации с теми же потенциальными последствиями, актуальными для г. Новокузнецка, происходят сегодня с металлургами. Разумной превентивной мерой в этой связи было бы сокращение семантического разрыва между *статусом профессии* и *статусом шахтеров*. Для этого нужно создавать новую идеологию, новую мифологию профессии, которая будет способствовать формированию позитивной профессиональной идентичности у шахтеров. В отсутствие продуманных экспертных стратегий реальные жизненные проблемы решаются «сами собой» путем компенсаторной актуализации фонового знания и прочих ресурсов повседневности. Поэтому, строго говоря, нельзя утверждать, что обозначившийся в последние 20 лет смысловой разрыв между реальным и идеальным статусами шахтерской профессии представляет собой абсолютно пустую «черную дыру». Он заполнен, но его содержимое может стать социально-психологическим

фактором роста аварий на шахтах Кузбасса. Известно, что «социальная позиция может существовать и воспроизводиться только если ее рассматривают как достойную того, чтобы быть занятой хотя бы теми, кто ее занимает. Чувство профессиональной гордости, которое встречается в особенности в наиболее тяжелых и опасных занятиях (шахтеров, металлургов, крестьян и т. д.), является ни чем иным как делом чести...» [17]. Символическая связь с шахтерской профессией с хтоническими силами (имеющаяся и в любой другой опасной профессии) формирует амбивалентную профессиональную идентичность, в которой смешаны *героизм* и *жертвенность*. Эти две черты, в совокупности дающие мессианистский комплекс, абсолютно неотчуждаемы от культурного образа шахтера, сложившегося в последние 100 – 150 лет. Но сегодня, в ситуации девальвации героизма как компонента шахтерской идентичности, актуализирован второй ее компонент – жертвенность. Гибель шахтеров стала как бы символической платой за проникновение в недра земли. Образ шахтера виктимизировался, и именно это компенсирует сегодня пошатнувшуюся общественную ценность шахтерского труда.

Риск, опасность в советское время осмыслились как преодолимые издержки контакта шахтера с косной природной материей. Отсюда идея *героизма* и *битвы* с природой, характерная для индустриального пафоса. В современной ситуации риск и опасность приобрели фаталистические черты. Шахта – это Молох, который, как всякое архаическое чудовище, жаждет жертв и получает их. Шахтер «приговорен к шахте». Если в СССР преобладали торжественно-праздничные формы репрезентации высокого статуса шахтерского труда, то сегодня доминируют ритуально-поминальные, в частности, 9-томная «Книга памяти шахтеров Кузбасса», а также строительство часовен и храмов в память погибших в авариях горняков с регулярным проведением заупокойных служб в них. Отношение к этой практике со стороны самих шахтеров, как показывает пилотажный опрос работников шахты «Тагарышская» в декабре 2009 г., – неоднозначное. В 2008 г. вышел из печати очередной фотоальбом «Кузбасс. История и настоящее», на обложке которого впервые в истории издания презентационных альбомов такого типа репродуцирована фотография памятника св. вмч Варвары, т. е. фактически официально признан жертвенный компонент регионообразующей профессии. Сегодня в городах Кемеровской области практически не возникает новых объектов структуриации пространства, связанных с прославлением героического шахтерского труда. Зато появляются объекты, символизирующие виктимные аспекты профессии. Очень важная деталь: *единственное* культовое сооружение вблизи здания администрации Кемеровской области, то есть в самом «сердце» региона – именно часовня памяти погибших шахтеров.

Все это создает особый настрой в шахтерской среде и формирует латентную установку на культурно апробированное жертвенное поведение. Это – установка по отношению к условиям труда, в том числе и к взаимодействиям с руководящим звеном, к

политическим играм и к внутриотраслевому перераспределению власти. Ментальные основания профессиональной, как и любой другой, идентичности поддаются конструированию, и это дает надежду на возможность регулирования общей ситуации в регионе, чтобы она не переросла в политическую. Основных сценариев развития современной ситуации два: либо отрасль останется базовой в символической системе региона, и тогда необходимо укреплять профессиональную шахтерскую идентичность, либо регион изменит свои экономические и символические контуры, в связи с чем придется ослабить официальный акцент на идентификации *кузбасского* как *шахтерского*. Однако полноценной альтернативы советскому образу края пока еще не создано, и это проблема не только Кузбасса. Сегодня нужна «реэлитизация» шахтерской профессии, и не только в области заработной платы. Необходимо формирование ее нового престижа, который вернет шахтерам чувство профессиональной гордости. Это – один из главных ресурсов безопасности на угольных шахтах и стабильности общественно-политической жизни в Кузбассе.

Литература

1. Брейман, М. Г. К концепции автоматизации табельного учета горнодобывающих предприятий [Электронный ресурс] / М. Г. Брейман, В. Н. Терещенко. – Режим доступа: <http://shtrih-m.kuzbass.ru/articles/4>.
2. Экономический потенциал области // Администрация Кемеровской области: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ako.ru/Ekonomik/potens.asp?n=1>.
3. Крылов, М. П. Понятие «регион» в культурном и историческом пространстве России [Текст] / М. П. Крылов // География и региональная политика. Ч. 1. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – С. 37.
4. Советская Сибирская энциклопедия [Текст]: в 4 т. – Т. 2 «З – К» / под общ. ред. М. К. Азадовского и др. – Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1930. – Стб. 1082, 1088.
5. Инвестиционный паспорт Кемеровской области [Электронный ресурс] // Администрация Кемеровской области: официальный сайт. – Режим доступа: http://www.ako.ru/Kuzbass/Investpasport_2008.pdf.
6. Топливо-энергетический комплекс в 2008 году [Электронный ресурс] // Администрация Кемеровской области: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.ako.ru/Ekonomik/t-e-k.asp?n=4>.
7. Занятость и безработица в Кузбассе: статистические материалы (1994–2008) [Электронный ресурс] // Департамент труда и занятости населения Кемеровской области: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.ufz-kemerovo.ru/stat/index.php>.
8. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области на долгосрочную перспективу [Электронный ресурс] // Фонд «Центр стратегических разработок «Северо-Запад». – Режим доступа: <http://www.csrnw.ru/content/projects/default.asp?shmode=2&ids=23&ida=1341>.

9. Кузбасс. Паспорт области [Электронный ресурс] // Администрация Кемеровской области: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.ako.ru/Kuzbass/pasport.asp?n=0>.
10. Паспорт города [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации города Новокузнецка. – Режим доступа: <http://www.admnkz.ru/city/passport.do>.
11. Описание герба Кемеровской области [Электронный ресурс] // Администрация Кемеровской области: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.ako.ru/Official/simbols.asp?n=8>.
12. Орачева, О. И. Региональная идентичность: миф или реальность? [Текст] / О.И. Орачева // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. – М.: МОНФ, 1999. – С. 36 – 43.
13. Кувенева, Т. Н. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе [Текст] / Т. Н. Кувенева, А. Г. Манаков // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 77.
14. Пелевин, В. Македонская критика французской мысли [Текст] / В. Пелевин // Все повести и эссе. – М.: Эксмо, 2005. – С. 315.
15. Каждый двадцатый шахтер Кузбасса – наркоман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.regnum.ru/news/472721.html.
16. Наркотики пришли в трудовые коллективы [Электронный ресурс] // Архив журнала МЧС России «Основы безопасности жизнедеятельности». – Режим доступа: <http://www.newsinfo.ru/static/lenta.html>.
17. Шампань, П. Делать мнение: новая политическая игра [Текст] / Патрик Шампань; пер. с франц. Н. Г. Осиповой. – М.: Socio-Logos, 1997. – 317 с.